

I. Вопросы теории и истории перевода

Валентин Дмитриев
(Москва)

ПЕРЕВОДЫ «ИНТЕРНАЦИОНАЛА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Прошло уже три четверти века с тех пор, как впервые прозвучала песня, ставшая гимном пролетариев всего мира, гимном Коммунистической партии Советского Союза и бывшая до 1944 года гимном Советского государства.

Ни одна песня не сделалась такой массовой, не получила столь широкого распространения, как этот гимн, призывающий трудящихся всех стран к борьбе за свержение капиталистического гнета, за светлое будущее человечества, за торжество нового строя.

Автора текста «Интернационала» Эжена Потье (1816—1887 гг.) В. И. Ленин назвал «одним из самых великих пропагандистов посредством песни»¹. Очень высоко расценивая значение этого гимна, он писал: «В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя без языка, без знакомых, вдали от родины, — он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала»².

Но для того, чтобы эта песня стала близкой и понятной пролетариату каждой страны, нужно было сначала перевести ее с французского языка на родной язык этого пролетариата.

Перед каждым переводчиком «Интернационала» стояла труднейшая, ответственная, но благородная задача: со-

¹ В. И. Ленин. Евгений Потье. Сочинения. Изд. 5-е, т. 22, стр. 273.

² Там же.

хранить и пламенность призывов, и поэтичность образов, и точность формулировок, которые почти дословно отражали лозунги, провозглашенные в учредительном манифесте и уставе Первого Интернационала, основанного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1864 году.

Лишь тот, кто проникся духом этой замечательной песни, кто знал историю ее возникновения, биографию ее автора — мог, при наличии вдобавок незаурядного поэтического таланта, дать на родном языке сколько-нибудь равноценное ее переложение. И недаром наиболее удачные переводы «Интернационала», этой азбуки классовой борьбы, получались у тех, кто сам принимал активное участие в такой борьбе, подобно его автору, который создал свое бессмертное произведение, скрываясь в подполье после разгрома Парижской коммуны в мае 1871 года.

Гимн этот не скоро стал международным, не скоро зазвучал на всех языках. Даже на своей родине, во Франции, он был впервые напечатан только через шестнадцать лет, в 1887 году, за несколько месяцев до смерти Потье. Популярность среди французских рабочих «Интернационал» приобрел с тех пор, как Пьер Дегейтер, лилльский рабочий-деревообделочник и композитор-самоучка, сочинил в 1887 году музыку к нему. Лишь после этого «Интернационал» начали переводить на европейские языки, в первую очередь на немецкий, английский, итальянский.

Первое упоминание об «Интернационале» в русской печати — это заметка в ленинской «Искре» (декабрь 1900 г., № 1) о пятом конгрессе Второго Интернационала, происходившем в Париже. Сообщив, что этот конгресс начал и кончил свою работу под звуки пролетарского гимна, и приведя его припев по-французски, газета дает прозаический перевод этих четырех строчек: «Это — последняя борьба. Сплотимся же, и Международное товарищество рабочих завтра охватит весь человеческий род».

Но уже тогда, на рубеже прошлого и нынешнего века, пришел черед стихотворного перевода гимна и на русский язык.

В 1899 году состоялся Первый конгресс французских социалистических партий. На заключительном его заседании присутствовал А. Я. Коц, русский революционер-эмигрант, учившийся тогда в Парижском горном институте. Пение «Интернационала», которым завершилось это заседание, произвело на А. Коца, по его словам, неизгла-

димое впечатление; слова гимна глубоко запали ему в душу, и он загорелся желанием воспроизвести их на родном языке.

Попытки перевести «Интернационал», как сообщает В. Д. Бонч-Бруевич³, делались и ранее, но были неудачны. Перевод же А. Коца, отличавшийся большими художественными достоинствами, сразу нашел путь в народные массы, несмотря на то что в тогдашней России он мог распространяться лишь нелегально.

Впервые этот перевод был напечатан в 1902 году (без указания фамилий автора и переводчика) в лондонском журнале русской социал-демократической партии «Жизнь»⁴, а в 1903 году — в брошюрах «Песни жизни»⁶ и «Революционные песни»⁸, вышедших в Женеве. Этот перевод вошел в сборник стихотворений А. Коца «Песни пролетариев»⁷, изданный в 1907 году в С.-Петербурге под псевдонимом «Д-нь» и сразу же уничтоженный по приказу цензуры.

Но в основном текст «Интернационала» распространялся в рукописных списках, заучивался со слов; на занятиях рабочих кружков слушатели часто просили продиктовать им этот текст. Решительно никому не было тогда известно, кто написал и кто перевел текст гимна, кто создал музыку к нему. Но это нисколько не мешало тому, что он сделался любимой песней русских рабочих и студентов.

«Интернационал» имел исключительно большое значение для революционной пропаганды в России. Нельзя было точнее и выразительнее передать чаяния русского пролетариата. Чаше, чем «Отречемся от старого, мира» и другие песни, международный гимн рабочего класса звучал на сходках, маевках, демонстрациях, а с особенно грозной силой — в дни забастовок. По словам Д. Фурманова, «это был наш путеводный гимн, самая дорогая, за-

³ В. Д. Бонч-Бруевич. Автор «Интернационала». «На литературном посту», 1931, № 2.

⁴ «Жизнь», орган Российской социал-демократической рабочей партии. Лондон, 1902, № 5, стр. 201.

⁶ «Песни жизни» (библиотека русского пролетария, № 1). Женева, Изд. А. Куклина, 1903, стр. 6.

⁶ «Революционные песни». Женева, Изд. А. Куклина, 1903, стр. 6.

⁷ «Д-нь. Песни пролетариев». СПб, Изд. «Наш голос», 1907, стр. 10.

ветная песня»⁸. Эта боевая песня была, как пишет ее переводчик А. Коц, «песней великого гнева и великой надежды трудящихся»⁹, а потом, когда эти надежды сбылись — она стала песней их победы.

В 1905 году перевод А. Коца был напечатан сразу в десятках сборников революционных песен, выходявших в те дни чуть ли не в каждом большом русском городе. То же, в еще более крупных масштабах, повторилось после Февральской революции. «Правда» поместила его в первом же своем номере¹⁰. А послеоктябрьской социалистической революции гимн чячвучал по-новому: вместо «Это будет последний...» стали петь: «Это есть наш последний...».

Став гимном Советской страны, «Интернационал» приобрел новое звучание. Не одно поколение коммунистов и комсомольцев шло в бой с его словами на устах. Его запели перед казнью руководители молодогвардейцев Краснодона. С пением «Интернационала» шли в свой последний путь советские летчики, осужденные фашистами на смерть за побег из Дахау...

Словом, перевод А. Коца сыграл колоссальную роль и в истории русской революции, и в истории советской страны.

Однако перевод этот был неполон: он давал лишь половину песни, а именно — первые две строфы и последнюю.

Одной из причин, побудивших А. Коца ограничиться этими строфами, явились, несомненно, условия распространения песни в царской России. На нелегальных сходках и маевках петь длинные революционные песни не было возможности; к тому же переписывать и запоминать песню из трех строф тоже было куда легче.

Впоследствии сам А. Коц в письме В. Бонч-Бруевичу так мотивировал сделанные им сокращения:

«Я остановился тогда на трех строфах лишь затем, чтобы, сделав песню короче, облегчить ее усвоение, ускорить доступ в массы ее крылатых лозунгов. Я выбрал те из шести строф, которые казались мне тогда наиболее боевыми и для наших условий наиболее подходящими: первую строфу — как самую важную по содержанию и

⁸ Д. И. Ф у р м а н о в. Собрание сочинений, том 3, М., 1961, стр. 61.

⁹ А. Я. Ко ц. Наш гимн. «Звезда», 1937, № 11, стр. 319.

¹⁰ «Правда», 1917, № 1 от 5 (18) марта.

наилучшую по форме; вторую — как подчеркивающую классовую сущность рабочего движения и вместе с тем направленную против бога и царя; и последнюю — как направленную против собственности на землю».

Даже в наше время во всех изданиях гимна печатаются только три строфы, первоначально- переведенные А. Коцем.

Между тем пропущенные им строфы тоже имеют немаловажное значение, написаны с не меньшим пафосом, чем три широко известные строфы, и не менее, чем они, насыщены политическим содержанием: в них говорится о взаимосвязи прав и обязанностей всех членов общества, об экспроприации экспроприаторов, об отпоре милитаристам.

В период русской революции 1905 года поэт Н. Минский перевел первую строфу «Интернационала» и припев.

В 1907 году появился третий перевод, напечатанный (без указания фамилии переводчика) в органе эсеров «За дело»¹¹. В этом переводе не хватало лишь одной строфы (пятой, антивоенной). Еще раз этот перевод был помещен (рядом с переводом А. Коца) в сборнике революционных песен, вышедших в Киеве в 1917 году¹².

В 1918 году редактор газеты «Известия ВЦИК» Ю. Стеклов обратился на ее страницах к поэтам с призывом дать полный перевод гимна. Вскоре появились переводы трех пропущенных А. Коцем строф, сделанные Н. Теркиным¹³ и А. Гуцевичем¹⁴. В двадцатые годы был напечатан еще один перевод этих строф¹⁵, принадлежавший перу старого революционера А. А. Богданова. Наконец, в 1931 году перевел пропущенные строфы и сам А. Коц, но этот перевод¹⁶ увидел свет лишь в 1937 году.

Перевод А. Коца, при всех его неоспоримых художественных достоинствах и огромной силе эмоционального воздействия, был не вполне точен. А. Дымшиц, комментируя творчество А. Коца, называет его перевод «Интерна-

¹¹ «За дело», орган Петербургской организации социалистов-революционеров-максималистов. СПб, 1907, № 1, стр. 3—4.

¹² «Песни борьбы до конца». Киев, тип. «Друкарь польский», авг. 1919, стр. 6—7.

¹³ «Известия ВЦИК». 1919, № 20, 30 января, стр. 1.

¹⁴ Ю. Стеклов. Поэзия революционного социализма. М., 1919, стр. 103.

¹⁵ «Интернационал», гимн трудящихся (ноты с текстом). Изд. Владивостокского отделения Госкниги (год не указан).

¹⁶ А. Я- Коц. Наш гимн. «Звезда», 1937, № П.

ционала» вольным¹⁷. Ю. Данилин в своих комментариях к этому переводу¹⁸ отмечает, что он «местами несколько далек от оригинала».

Этого нельзя ставить в упрек автору перевода, способствовавшего росту революционного самосознания нескольких поколений русских рабочих. Из дальнейшего анализа будет видно, что некоторые отступления от оригинала не ослабили, а усилили перевод, а главное — приблизили его к условиям тогдашней русской действительности. Эти отступления (их немного) целиком выдержаны в общем духе гимна и так органически сливаются с текстом, что заметить их можно лишь при тщательном сличении с подлинником.

После Октябрьской социалистической революции «Интернационал» еще неоднократно переводили на русский язык. Отчасти причиной этого была неполнота перевода А. Коца, но главное — в другом. Всякое выдающееся явление мировой литературы привлекало к себе внимание многих переводчиков, стремившихся, каждый по-своему, воспроизвести его на родном языке или как можно точнее, или как можно звучнее, или как можно образнее и выразительнее. «Фауста», «Гамлета», «Витязя в тигровой шкуре» переводили на русский язык по многу раз; не раз переводились и «Марсельеза», и «Карманьола». Существует шесть переводов поэмы А. Блока «Двенадцать» на английский язык, четыре перевода «Интернационала» на чешский и немецкий, три — на венгерский, два — на английский и т.д.

Каждый перевод имеет свои особенности, свои Достоинства и недостатки, зависящие и от таланта переводчика, и от его мировоззрения, и от степени владения им обоими языками, связь между которыми он устанавливает, и, наконец, от тех принципов художественного перевода, который он придерживается.

Вовсе не обязательно, чтобы один какой-нибудь перевод был лучше всех остальных; некоторые переводы имеют равные права на существование, на любовь читателей. Одни места могут получиться лучше у одного переводчика, другие — у другого.

¹⁷ А. Я. Ко ц. Стихотворения. М., ГИХЛ, 1957. Комментарий, стр. НО.

¹⁸ «Антология поэзии Парижской коммуны». М., ГИХЛ, 1948. Комментарий, стр. 366,

Представляет большой интерес сравнить, как воспроизвели разные переводчики один и тот же образ, одну и ту же мысль, одно и то же трудное для передачи место. Иногда даже имеет смысл печатать произведение в нескольких переводах, чтобы дать читателям возможность самим судить о них. К сожалению, это не практикуется.

Нами выявлено (без перевода А. Коца) 13 переводов «Интернационала» на русский язык. Откликнувшись на призыв Ю. Стеклова, полностью перевели гимн А. Тиртейский¹⁹, А. Зарницын²⁰, И. Смирнов²¹, С. Гусяров²². В дальнейшем появились новые переводы: в 1921 году — С. Френкеля²³ (с пропуском второй строфы); в 1927 году — С. Заяицкого совместно с Л. Остроумовым²⁴; в 1932 году — А. Гатова²⁵ и в 1948 году — автора этих строк²⁶. Остальные переводы упомянуты выше.

Рассмотрим сначала поэтические параметры переводов: метрику, рифмовку.

Все переводчики избрали четырехстопный ямб (в припеве — трехстопный). Исключение составляет перевод Минского, где в последней строке вместо четырех стоп — шесть: «Сегодня мы ничто, а завтра будем всем».

Выбор метрического размера был продиктован мелодией Дегейтера. Можно перевести «Интернационал» и анапестом, но тогда, к нему пришлось бы написать другую музыку.

Однако в первых двух строчках припева мелодия Дегейтера требует именно анапеста, ибо музыкальные ударения стоят на третьем и шестом слогах:

C'est la lutte finale :
Groupons-nous, et demain...

¹⁹ «Вестник Лужского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 1919, апрель.

²⁰ «Известия ВЦИК», 1919, № 20, 30 января, стр. 1.

²¹ Ю. С т е к л о в. Поэзия революционного социализма. М., 1919, стр. 106.

²² Т а м ж е, стр. 108.

²³ «Творчество», 1921, № 1—3.

²⁴ С. З а я и ц к и й и Л. О с т р о у м о в. Революционная поэзия на Западе. М., 1927, стр. 60.

²⁵ Э. П о т ь е. Песни. М., ГИХЛ, 1932, стр. 66.

²⁶ «Антология поэзии Парижской коммуны». М., ГИХЛ, 1948, стр. 366—367.

Этого не учли некоторые переводчики; в результате их текст припева нельзя петь на мотив «Интернационала», например:

Плечом к плечу мы встали,	Бороться смело будем
Идем в последний бой...	За светлый идеал...
(Гир т.)	(С м и р.)

Здесь сохранен ямб. Не укладывается в мелодию припев и в переводе Гуслярова данный весь анапестом, а также перевод Заяицкого и Остроумова, где третья строка является амфибрахийем: «Народы сольются...»

Переход анапеста в ямб в большинстве переводов сглажен пиррихиями.

Рифмовка оригинала, как в смысле расположения рифм, так и в смысле их характера (мужские, женские) соблюдена всеми переводчиками, кроме А. Коца. Последний совсем не зарифмовал первую и третью строки припева («последний — Интернационалом»), а также начало последней строфы («всемирной — право»). Неточны рифмы «добро — горячо» во второй строфе, «заставят — napravим» — в пятой. Однако содержание во всех этих случаях настолько насыщено, настолько доминирует над формой, что дефекты рифмовки почти не воспринимаются ни при чтении, ни при пении.

Перейдем к анализу отдельных строф гимна.

Первая строфа:

Debout ! les damnés de la terre !
Debout ! les forçats de la faim !
La raison tonne en son cratère,
C'est l'éruption de la fin.
Du passé faisons table rase,
Foule esclave, debout ! debout !
Le monde va changer de base ;
Nous ne sommes rien, soyons tout !

Эта строфа — самая яркая по эмоциональной окраске. В ней — прямой призыв к восстанию, к активным действиям: старый мир должен быть преобразован весь, целиком.

Обращаясь к угнетенным и поработанным людям всей земли, Потье называет их «проклятыми» (damnés), «каторжниками голода», «толпой рабов». Все это передано А. Коцем с достаточной точностью:

себе, а будет заново создан самим рабочим классом. От такого усиления, нисколько не противоречащего мысли автора, перевод только выиграл.

Другие переводчики пытались передать это место точнее: «Изменит мир свои основы» (Зарн.), «Изменим мир до основанья» (Френк), «Разрушим старые основы» (Тирт.) и т.д.

Явно изменило чутье Заяицкому и Остроумову, которые, буквально переведя слово «base», испортили прекрасную строфу, не уступавшую переводу А. Коца:

Рабы нужды, вставайте разом,
Вставайте, узники, вперед!
В своей глубине клокочет разум,
И час для взрыва настает.
Все прошлое сотрем мы сразу.
Толпа рабов, вперед, вперед!
Весь мир свою изменит базу,
Кто был ничем — всем будет тот.

У А. Коца слово «base» умело использовано в предыдущей строке для перевода идиомы «faire table rase»: «мы разроем до основанья». Правда, здесь уместнее «разрушим»; обычно так и поют, в ущерб рифме. В оригинале эта идиома связана со словом «passé», выпавшим у А. Коца. В других переводах эта связь сохранена: «Сметем мы прошлое совсем» (Френк.) «Сметем уклад многовековой» (Зарн.), «Разрушим старые основы» (Тирт.), «С земли сотрем былого зданье» (анон.).

Все переводчики стремились точно передать последнюю строку о роли рабочего класса как гегемона революции. Здесь на первое место следует поставить решение А. Коца: «Кто был ничем, тот станет всем», очень выигравшее от внутренней рифмы, которой в других переводах нет: «Из ничего мы будем всем» (Френк., Смирн). «Кто был ничем — всем будет тот» (Тирт., Остр.), «Мы в нем — ничто, а будем всё» (Зарн.).

Припев:

C'est la lutte finale
Groupons-nous, et demain
L'Internationale
Sera le genre humain.

Значение припева во всякой песне огромно: это — и связующее звено между строфами, и энергичная концовка,

и квинтэссенция смысла песни. Понятно поэтому, как важно хорошо перевести припев.

Недаром В. И. Ленин так часто цитировал именно припев гимна, неоднократно упоминая о «последнем и решительном бое»²⁷,²⁸.

Большая заслуга А. Коца в том, что он точно передал первую строку припева (правда, пожертвовав ради этого и рифмой, и второй строкой).

Ряд переводчиков переставил слово «Интернационал» в конец припева:

Пусть отряды сомкнутся,
Бой последний настал.
Народы сольются
В Интернационал!

(Ост р.)

Страшный бой закипает,
Час последний настал.
Людей соединяет
Интернационал.

(Френк.)

Некоторые переводчики, стремясь сохранить это слово там, где оно в оригинале, и дать рифму к нему, ради этого изменили смысл первых двух строчек припева, несмотря на все их значение:

Мы под знаменем алым
Победим, и тогда
Интернационалом
Весь будет мир труда.

(З а р н.)

Точно передав начало припева, А. Коц, однако, не отразил в своем переводе другое, не менее важное, его место. Мы говорим о второй строке, призывающей к объединению («Groupons-nous», т. е. «Сплотимся!») и отражающей бесстрашный лозунг Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот призыв у А. Коца выпал; вместо него дан добавочный эпитет к слову «бой».

Выпадение призыва «Groupons-nous» привело к тому, что в переводе А. Коца последние строки припева понимаются неверно. Слова «с Интернационалом воспрянет род людской» имеют теперь для нас смысл «воспрянет с пением

²⁷ В. И. Ленин. Доклад о продналоге на X Всероссийской конференции ВКП(б) 26–28 мая 1921 г. Сочинения. Изд. 4-е, т. 32, стр. 408.

²⁸ В. И. Ленин. Политический отчет ЦК ВКП(б) на XI съезде партии 22 марта 1922 г. Сочинения. Изд. 4-е, т. 33, стр. 247.

гимна», между тем как речь идет о Первом Интернационале, основанном К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Многие соревновавшиеся с А. Коцем сумели передать эту мысль более или менее точно: «В Интернационале сольется род людской» (Мин., Тирт.), «Интернационалом ты станешь, род людской» (Гат.).

Исключение составляют переводы Смирнова и Гусярова, где говорится либо о том, что Интернационал «покроется славой», либо о том, что он будет создан (а ведь он давно уже был создан!)

Вторая строфа:

Il n'est pas de sauveurs suprêmes.
Ni Dieu, **ni César, ni tribun,**
Producteurs, sauvons-nous nous-mêmes !
Décrétons le salut commun !
Pour que le voleur rende gorge,
Pour tirer l'esprit du cachot,
Soufflons nous-mêmes notre forge,
Battons le fer quand il est chaud !

В этой строфе подчеркивается, что «производители» (producteurs) должны не ждать избавления от кого-нибудь, а освободить себя сами. Это декларируется уставом Первого Интернационала в самом начале: «Принимая во внимание, что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом...»²⁹

Мысль эта прекрасно выражена в переводе А. Коца словами, ставшими proverbiallyными и не раз цитируемыми В. И. Лениным³⁰: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».

Строфа эта почти всеми переведена неплохо. Вот некоторые варианты:

Нет избавителей над нами —
Богов, трибунов и царей.
Творцы, себя спасем мы сами
И счастьем одарим людей.
Чтоб ум не знал цепей

позорных.
Чтоб'вор богатства возвратил—
Вздывая пламя в наших
горнах,

Ковать мы будем что есть сил.

(Ост р.)

Не даст нам свыше избавленья
Ни бог, ни царь, ни депутат.
Лишь в нас самих освобо-

жденье,
Страдающий голодный брат!
Чтоб воры нам добро отдали,
Чтоб разум был освобожден —
Скуем, как брус горячей стали,
Спасенья общего закон.

(анон)

²⁸ К.- Маркс и Ф. Энгельс. Устав Первого Интернационала. Сочинения, т. 13, ч. 1, М., 1956, стр. 13.

³⁰ В. И. Ленин. Уроки русской революции. Сочинения. Изд. 4-е, т. 16, стр. 273.

Никто не даст нам полной воли,
 Ни бог, ни царь и ни герой.
 Мы сами мощью нашей воли
 Воздвигнем новый светлый строй.
 Чтоб легче свергнуть гнет позорный,
 Чтоб не склониться пред мечом,—
 Дружнее куйте, лада горны,
 Пока железо горячо!

(3 а р н.)

Третья строфа:

L'Etat comprime et la loi triche ;
 L'impôt saigne le malheureux ;
 Nul devoir ne s'impose au riche ;
 Le droit du pauvre est un mot creux.
 C'est assez languir en tutelle,
 L'égalité veut d'autres lois ;
 «Pas de droits sans devoirs, dit-elle,
 Egaux, pas de devoirs sans droits !»

Эта строфа посвящена правовому положению враждующих классов в капиталистическом обществе. И здесь Потье исходит из устава Первого Интернационала, где говорится: «Борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за *равные права и обязанности* (выделено нами) и за уничтожение всякого классового господства»⁸¹.

К этой теме Потье возвращался не раз (сонет «Права и долг»).

Эта строфа вносит существенную поправку в «Права человека и гражданина», провозглашенные французской революцией конца XVIII века. Уже недостаточно объявить, что все равны от рождения, недостаточно отменить титулы: права каждого должны быть неразрывно связаны с его обязанностями по отношению к обществу, к другим людям; только тогда будет достигнуто настоящее равенство. Об этом говорит лозунг, четко сформулированный в конце строфы и точно переведенный почти всеми:

Повинностью плати за право,	Нет прав без трудового долга,
И нет повинностей без прав.	Равно и долга нет без прав,
(анон.)	(Б о г д.)

Однако первый переводчик гимна, А. Коц, не нашел правильного решения и дал совершенно другой лозунг: «Вся власть — народу трудовому, а дармоедов всех — до-

⁸¹ К- М а р к с и Ф . Э н г е л ь с . Устав Первого Интернационала. Сочинения, т. 13, ч. 1, М., 1956, стр. 13.

лой!». Вместо того чтобы сказать о равенстве прав и обязанностей, А. Коц перенес сюда те строки из последней строфы гимна, где говорится, что «праздным нет места на земле». Вдобавок рифма на «ой» повторяется четыре раза, что обеднило строфу эвфонически.

Четвертая строфа:

Hideux dans leur apothéose,
Les rois de la mine et du rail
Ont-ils jamais fait autre chose
Que dévaliser le travail ?
Dans les coffres-forts de la bande
Ce qu'il a créé s'est fondu :
En décrétant qu'on le lui rende.
Le peuple ne veut que son dû.

Лучше всех эту строфу перевел А. Коц, взяв «реванш» за неудачный перевод предыдущей строфы:

Презренны вы в своем богатстве,
Угля и стали короли !
Вы ваши троны, тунейдцы,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты —
Все нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом!

У других переводчиков отдельные неудачные строчки испортили всю строфу:

У них наш труд лежит по	Рабочим гнут дугою спины
кассам,	(Г у с л.)
Залитый в золото хитро.	
(3 а р н.)	И в свой сундук вся эта свора
	Запрячет все, что мы дадим.
	(Г е р к.)

Встречаются хорошие решения второй половины строфы:

Все то, что создали мы, братья,	И нас, рабочих, обирая,
Присвоил их разбойный сброд.	Себе скопили они клад,—
Издав законы об изъятъе,	Но пусть же знает эта стая,
Вернет свое добро народ.	Что мы свое возьмем назад!
(Ф р е н к.)	(Г у ц е в.)

В подвалах разжиревшей своры
Скопилось все, что создал Труд.
Мы требуем: пусть эти воры
Добро народное вернут!
(Б о г д.)

Пятая строфа:

Les Rois nous soûlaient de fumées,
Paix entre nous, guerre aux tyrans I
Appliquons la grève aux armées,
Crosse en l'air et rompons les rangs !
S'ils s'obstinent, les cannibales,
A faire de nous des héros,
Ils sauront bientôt que nos balles
Sont pour nos propres généraux.

Эта строфа — антивоенная, направленная против милитаристов. Автор призывает солдат бастовать, как бастуют рабочие на фабриках и заводах, а если воевать — то только с «тиранами», то есть заправилами военной клики, толкающими простой народ в бойню.

Немудрено, что эта строфа при первом же отдельном издании гимна вызвала судебное преследование и была запрещена: в ней усмотрели «призыв солдат к дезертирству, неповиновению и прямому бунту». Судебные репрессии эта строфа вызывала и впоследствии, приводя издателей «Интернационала» на скамью подсудимых. Поэтому гимн часто печатался с пропуском этой строфы.

Первую ее строчку перевести нелегко, так как в оригинале ее содержание раскрыто неполностью. «Fumées» означает винные пары, пьяный угар, но в данном случае подразумевается угар шовинизма, национальной вражды, которым власти отравляют сознание народных масс, чтобы легче было втягивать их в войны.

Попытки переводчиков передать эту мысль в одной строке приводили порой к совершенно невразумительным решениям, безнадежно портившим весь перевод в целом: «Цари нас порохом кормили» (Богд.), «Цари нас дымом отравляли» (Остр.), «Кормили дымом нас тираны» (Терк.), «Цари пьянили нас убоим» (Тирт.).

Такие варианты, как «Цари нам головы дурманят» (Зарн.), «Нам короли туманят разум» (Френк.), немногим лучше, ибо не уточняют, что это за дурман.

А. Коц нашел правильный выход из положения: то, что не укладывалось в одну строку, он выразил в двух. В его переводе это место звучит так:

Довольно, королям в угоду,
Дурманить нас в чаду войны!
Война — тиранам! Мир — народу!
Бастуйте, армии сыны!

Мы сразу наши пулеметы
Направим в собственных вояк.
(Зарн.)

Однако здесь переводчик упустил из виду, что при пении кавычки передать нельзя, и слово «патриоты» может быть принято всерьез. Одно это уже делает перевод неприемлемым.

Шестая строфа:

Ouvriers, paysans, nous sommes
Le grand parti des travailleurs ;
La terre n'appartient qu'aux hommes,
L'oisif ira loger ailleurs.
Combien de nos chairs se repaissent '
Mais, si les corbeaux, les vautours,
Un de ces matins, disparaissent,
Le soleil brillera toujours !

Эта строфа начинается важнейшей мыслью о том, что рабочие и крестьяне образуют единую партию трудящихся. В переводе А. Коца («Лишь мы, работники всемирной великой армии труда») эта мысль, к сожалению, не передана с необходимой точностью: не сказано, кто входит в «армию труда». Другие переводчики выразили эту существенную мысль точнее: «Союз рабочих и крестьян» (Зарн., Френк.), «Семья рабочих и крестьян» (Остр.), «Мы все: рабочие, крестьяне» (Тирт.), «Крестьянин и рабочий слиты в единой партии труда» (анон.).

Не все переводчики сумели отразить и мысль, выраженную в третьей и четвертой строках — мысль о том, что земля (в широком смысле этого слова) должна принадлежать трудящимся, а не праздным людям. Неудачны такие решения, как «Земля дана для счастья людям» (Гат.), «Земля останется за нами» (Остр.), «Владеть землей во всей вселенной — мечта рабочих и крестьян» (Гусл.). Лучшее всего звучит это место у Френкеля («Весь мир лишь труженикам дан») и у Зарницына:

Лишь мы, трудом объединенный
Союз ра-бочих и крестьян,—
Земли хозяин прирожденный,
А не бездельники всех стран!

Эти строки в переводе А. Коца («Лишь мы... владеть землей имеем право, а паразиты — никогда!») сыграли немалую роль в популярности гимна среди русских крестьян, для которых они имели особый смысл: это была та «землица», которую отняли у деревенской бедноты поме-

щики и кулаки-мироеды. Но у Потье, несомненно, речь идет не только о собственности на земельные угодья; под землей подразумевается весь земной шар с его средствами производства. Требование коллективной собственности на них уже было включено к тому времени в программу Первого Интернационала и в решения его конгрессов.

В этой строфе говорится и о том, что праздные люди должны вообще исчезнуть с нашей планеты («l'oisif ira loger ailleurs»). Слово «oisif» каждый переводчик передал по-своему: «паразиты» (Коц), «бездельники» (Зарн., Френк.), «лентяи» (Остр.) «дармоеды» (Тирт.), «тунеядцы» (Смирн.). Все эти решения синонимичны и равноправны.

Эта строка, не допускающая дословного перевода, дала широкий простор для творческих поисков: «...А паразиты пусть прочь уходят навсегда» (анон.), «Лентяев прочь из наших стран» (Остр.), «Бездельник на земле не нужен» (Френк.), «Нам дармоеды не нужны» (Тирт.), «Нет тунеядцам места в нем» (Смирн.).

Во второй половине строфы те, кто не трудится, сравниваются поэтом с коршуньем и вороньем, которые «насыщаются нашим мясом» (т. е. мясом трудящихся). Эта метафора сохранена не всеми переводчиками. Но от ее исчезновения у А. Коца гимн только выиграл: именно здесь, в заключительной строфе, как нельзя более уместны были слова о грядущем «великом громе», громе революции, хотя в оригинале их и нет.

До Октябрьской социалистической революции слова эти звучали грозным приговором тогдашнему строю, «сворепсов и палачей», под которыми в условиях тогдашней русской действительности подразумевались не тунеядцы-буржуа, фигурирующие у Потье в образе коршунов и воронов, а слуги самодержавия — полицейские и жандармы.

«Насыщение праздных мясом трудящихся» посредством жесточайшей эксплуатации, разумеется, имело место и в царской России, но главным было политическое угнетение, казни, кровавые расправы с народом. «Палачи», появившиеся в переводе А. Коца вместо коршунов и воронов, имели уже не переносный, а самый прямой смысл.

Другие переводчики сочли необходимым сохранить эту метафору: «стая злых ворон» (Остр.), «злая стая коршунов» (Френк.), «черная орда хищников» (Зарн.), «воронья стая» (анон.). Пожалуй, лучше других передал это место Тиртейский:

Сколь много сытых плотью нашей!
Но пусть исчезнет хищный рой —
Тогда и солнце станет краше
Блестать над радостной землей.

Все эти решения более или менее точны, более или менее отражают то, что Потье говорит здесь применительно к условиям, имевшим место во Франции. Но в тот исторический момент, когда А. Коц переводил «Интернационал», такое толкование вряд ли сделало бы этот гимн любимой песней русского рабочего класса. Это стало возможным лишь благодаря интерпретации А. Коца, приблизившей французский текст к тем условиям, в каких жил тогда русский пролетариат, над которым все время свистели нагайки «псов и палачей».

Но, конечно, учитывая большую литературно-историческую ценность произведения Потье, желательно дать читателю и более близкий к оригиналу перевод. Не мешает нашим поэтам-переводчикам вновь попытаться создать эквивалентный текст. В качестве одной из таких попыток позволю себе привести свой перевод, по вполне понятным причинам не разобранный выше наряду с остальными:

Бой последний все длится,
Но уже час настал,
И род людской сплотится
В Интернационал!

Гонимые, восстаньте разом!
Восстаньте, голода рабы!
Клокочет, словно лава, разум.
Пробил последний час борьбы.
Вперед, рабы! Долой оковы!
Покончим с прошлым, а затем
Изменит мир свои основы.
Мы в нем ничто, но станем всем!

Нас не спасут, хоть жди веками,
Ни цезарь, ни трибун, ни бог.
Рабочие! Спасемся сами!
То — счастья общего залог.
Чтоб у воров отнять добычу,
Освободить плененный ум —
Раздуйте горны, внемля кличу,
И куйте сталь без долгих дум!

Налог гнетет, закон лукавит,
И власти тяжела рука,
И ни во что богач не ставит
Свой долг и право бедняка,

Довольно! Ум наш мыслит здраво.
 Дает нам Равенство совет:
 Нет без обязанностей права
 Без прав — обязанностей нет!
 Гнусны в своем апофеозе
 Цари угля, железа, руд.
 Они щедры лишь на угрозы,
 Они обкрадывают Труд.
 Их сундуки неоднократно
 Он наполнял... А потому
 Народ прикажет, чтоб обратно
 Они все отдали ему!
 Людей пьянят войны дурманом...
 Штык —в ЗЕМЛЮ! ХВАТИТ воевать!
 Народам— мир! Война— тиранам!
 Солдатам надо бастовать!
 Упорны стали каннибалы...
 Чтоб пыл воинственный утих —
 Пусть видят наши генералы,
 Что наши пули метят в них!
 Наш зов к рабочим и крестьянам,
 К великой партии Труда:
 Всю землю — нам! Конец обманам!
 Прочь тунеядцев навсегда!
 Они сидят на нашей.шее...
 Но если б хищный рой исчез,
 То разве солнце, так же грея,
 Нам не сияло бы с небес?
 Бой последний все длится,
 Но уже час настал:
 И род людской сплотится
 В Интернационал!

Итак, анализ многочисленных переводов «Интернационала» на русский язык показал со всей убедительностью, что, несмотря на отдельные неточности и погрешности перевода А. Коца, ни один из переводов, появившихся позднее, не смог превзойти его ни по силе эмоционального воздействия, ни по выразительности лексических средств, примененных для передачи оригинала.

А. Коц поставил своей целью сделать «Интернационал» программной песней русского пролетариата — именно русского, изнывавшего под гнетом самодержавия, и блестяще справился с этой задачей. Гимн, оставаясь интернациональным по содержанию, смог передать общеисторические образы и чувства в форме, близкой русским рабочим. Имел ли право А. Коц на вольное обращение с оригиналом? Победителей, как известно, не судят... А текст А. Коца прочно вошел в «золотой фонд» русской литературы.

«Интернационал» переведен на языки всех народов Советского Союза и на языки большинства народов мира. Фр. Гель в своей книге «Интернационал и Марсельеза»³², изданной на чешском языке (есть и немецкий перевод), воспроизвел переводы пролетарского гимна (правда, лишь первой строфы и припева) на 20 языков. Следовало бы и у нас издать такую книгу, собрав воедино все существующие переводы бессмертного гимна на языки народов мира*, в том числе — на языки многочисленных братских народностей Советского Союза.

³² Fr. Gel. Internationale und Marseillaise. Prag, Artia, 1954.

* Подобно изданию «Зашшта» Т. Шевченко.